
ЛИН ВЭЛ
У каждого есть темная сторона...
НАША ТЁМНАЯ СТОРОНА
18+
DARK ROMANCE · 18+

Лин Вэл

Наша тёмная сторона

«Автор»
2026

Вэл Л.

Наша тёмная сторона / Л. Вэл — «Автор», 2026

У КАЖДОГО ЕСТЬ ТЁМНАЯ СТОРОНА. НО ЧТО ПРОИЗОЙДЁТ, ЕСЛИ ДВЕ ТАКИЕ СТОРОНЫ СТОЛКНУТСЯ?Эва Чернова привыкла восстанавливать чужие истории по осколкам прошлого. Но после смерти отца она обнаруживает тайну, которая связывает её семью с миром криминальных сделок, предательства и крови.Марк Арсеньев — человек, которому принадлежит слишком многое. Власть, деньги, влияние и страх окружающих. Он привык контролировать всё, кроме собственных чувств.Их встреча становится началом опасной игры, в которой правда может стоить жизни, а доверие — оказаться самой дорогой ошибкой.За старинными картинами скрываются чужие преступления. За семейными легендами — предательства. А за холодностью Марка и независимостью Эвы — то, что оба слишком долго пытались спрятать.Можно ли полюбить человека, зная, на что он способен? И что останется от любви, когда наружу выйдет вся правда?У каждого есть тёмная сторона. Вопрос лишь в том, готовы ли мы показать её друг другу.

© Вэл Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. СЕМЬ МИНУТ ДО ТИШИНЫ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ 8
ГЛАВА 1. КАРТИНА С ЧУЖИМ ЛИЦОМ 9
ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НЕ НУЖНО ПОВТОРЯТЬ 12
ГЛАВА 3. НЕ ПРИХОДИТЕ ОДНА 15
ГЛАВА 4. ПРАВИЛА ЧУЖОГО ДОМА 17
ГЛАВА 5. ЧТО ОСТАВИЛ ОТЕЦ 20
ГЛАВА 6. НИТЬ, КОТОРАЯ НЕ РВЁТСЯ 23
ГЛАВА 7. ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ 26
ГЛАВА 8. КРОВЬ НА БЕЛОЙ РУБАШКЕ 28
ГЛАВА 9. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ СПЯТ 31
ГЛАВА 10. ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЁНОМ 34
ГЛАВА 11. СЕМЕЙНЫЕ ПОРТРЕТЫ 37
ГЛАВА 12. КОМНАТА С ДВУМЯ ВЫХОДАМИ 40
ГЛАВА 13. ЧУЖАЯ КРОВЬ, СВОЯ ВИНА 43
ГЛАВА 14. КОМНАТА НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ 46
ГЛАВА 15. ЧТО ВЕРА НЕ СКАЗАЛА 48
ГЛАВА 16. ГОРОД СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЕТ 50
ГЛАВА 17. СЕВЕРНАЯ ГАЛЕРЕЯ 52
ГЛАВА 18. НЕ ВСЁ, ЧТО НАЙДЕНО, ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕБЕ 54
ГЛАВА 19. ПИСЬМО БЕЗ ИЗВИНЕНИЙ 56
ГЛАВА 20. НЕ ПРОСИ МЕНЯ БЫТЬ ДОБРОЙ 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Лин Вэл
Наша тёмная сторона

НАША ТЁМНАЯ СТОРОНА
ЛИН ВЭЛ
РОМАН

ПРОЛОГ. СЕМЬ МИНУТ ДО ТИШИНЫ

В порту всегда пахло солью, мазутом и чужими решениями.

Илья Чернов знал этот запах лучше, чем запах собственного дома. За двадцать лет он научился различать по нему погоду, настроение докеров и приближение неприятностей. Сегодня неприятности пахли дорогим табаком и свежей кожей перчаток.

Он стоял в пустом ангаре, прижимая к груди плоский деревянный футляр. На часах было 02:13. Через семь минут грузовой кран должен был поднять контейнер с маркировкой, которой не существовало ни в одной официальной накладной. Через десять минут люди, которым Илья служил половину жизни, узнают, что он украл у них самое ценное.

Не деньги. Деньги можно заработать снова.

Список.

В нём были фамилии тех, кто покупал молчание, тех, кто продавал людей, и тех, кто считал себя слишком влиятельным, чтобы когда-нибудь отвечать за собственные решения. Илья не собирался отдавать этот список полиции. Он слишком хорошо знал, как быстро в этом городе исчезают дела, если в них случайно попадает правильная фамилия.

Но и оставлять его тем, кто уже однажды использовал его дочь как аргумент в переговорах, он больше не собирался.

— Ты опоздал, — произнёс голос из темноты.

Илья не обернулся.

— На семь минут.

— Я не люблю ждать.

— А я не люблю людей, которые путают терпение со слабостью.

Из тени вышел мужчина в тёмном пальто. Лицо оставалось за полосой света, падавшей из высоких окон. Илья видел только руки — красивые, ухоженные, без колец. Такие руки не разгружали контейнеры и не пачкались типографской краской. Они подписывали приказы.

— Отдай футляр, — сказал мужчина.

— Сначала ответь на один вопрос. Ты знал, что они собираются тронуть Эву?

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь услышать ответ.

Илья усмехнулся. Именно это он и ожидал.

— Значит, знал.

Мужчина сделал шаг вперёд.

— Твоя дочь не имеет отношения к нашим делам.

— Уже имеет. Просто пока не знает.

— Ты думаешь, сможешь спрятать её за этой бумажной игрушкой?

Илья посмотрел на футляр. Внутри лежало не всё. Только ключ к тому, что можно было найти, если знать, где искать. Остальное он разделил на части и спрятал в местах, о которых не рассказывал даже самому себе вслух.

— Я думаю, что смогу выиграть ей время.

— Время заканчивается.

— У всех.

В дальнем конце ангара щёлкнул замок. Илья успел услышать шаги, прежде чем свет погас.

Он не закричал. Не попросил. Только сжал футляр так крепко, что дерево хрустнуло под пальцами.

Когда через несколько часов в порту нашли его машину, внутри лежали ключи, телефон и окровавленная перчатка. Самого Ильи Чернова не нашли.

А в другом конце города его дочь получила письмо, которое было отправлено ещё до этой ночи.

В конверте лежала фотография старой картины и короткая записка:

«Эва. Не отдавай её тем, кто придёт за ней с чистыми руками».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ

ГЛАВА 1. КАРТИНА С ЧУЖИМ ЛИЦОМ

Эве Черновой было двадцать семь. Она не верила в семейные проклятия. Она верила в плесень, неправильную влажность, кислотность бумаги и людей, которые называли повреждённую вещь безнадёжной, потому что не хотели платить за реставрацию.

С вещами всё было честнее.

Если дерево рассыхалось, его можно было укрепить. Если холст рвался, разрыв можно было остановить. Если пигмент отслаивался, существовал состав, который возвращал ему сцепление с основой.

С людьми было сложнее. Особенно с теми, кто много лет учился не показывать, где именно болит.

— Ты опять разговариваешь с картиной, — заметила Ника, заглянув в мастерскую.

— Она хотя бы слушает.

— Я тоже слушаю.

— Ты ждёшь, когда я закончу, чтобы сказать, что всё делаю неправильно.

Ника поставила на стол два стакана кофе.

— Я жду, когда ты признаешь, что три часа смотришь на трещину и боишься к ней прикоснуться.

Эва сняла увеличительные очки.

— Это не страх. Это профессиональная осторожность.

— Разумеется. А ещё ты вчера в четыре утра прислала мне фотографию старого лака с подписью «посмотри, какой урод». У тебя очень насыщенная личная жизнь.

Эва хотела ответить, но телефон на дальнем краю стола завибрировал. Номер был незнакомый.

— Чернова.

— Эва Ильинична? Добрый день. Вас беспокоят из хранилища на Васильевском. К нам поступила работа, адресованная лично вам. В документах указано, что она принадлежала вашему отцу.

Кофе в руке Ники замер.

Эва медленно поставила стакан.

— Моему отцу?

— Да. Есть письмо и акт передачи. Нам сказали, что вы должны принять предмет лично.

— Кто передал?

— Курьер. Он оставил только подпись.

Через час Эва стояла в холодном помещении частного хранилища перед картиной, закрытой плотной серой тканью. На обороте деревянной рамы была выжжена маленькая буква «С». Не инициалы автора. Не знак мастерской. Просто буква, которую она видела на старых папках отца.

Она сняла ткань.

На картине была изображена женщина в тёмно-зелёном платье. Не красавица с идеальным лицом, а человек, который привык смотреть прямо. На её пальце блестело кольцо с квадратным камнем. В нижнем углу холста сохранилась подпись, почти съеденная временем: «Л. В.»

— Ты её знаешь? — спросила Ника.

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

Эва не ответила. Она смотрела на женщину и пыталась понять, почему та казалась знакомой. Не лицом. Поворотом головы. Напряжением в губах. Непокорной складкой между бровями.

Так смотрела мать Эвы на старых семейных фотографиях.

Мать умерла, когда Эве было одиннадцать. Отец почти никогда о ней не говорил. Только однажды, после похорон, сказал, что некоторые истории лучше оставить закрытыми, потому что открытая правда не всегда лечит.

Эва тогда не поняла. Теперь ей не нравилось, что она всё ещё помнила каждое слово.

— В документах указано, что картину передал ваш отец, — повторил сотрудник хранилища. — Но дата передачи — прошлый четверг.

— Это невозможно. Отец умер пять лет назад.

Мужчина посмотрел в бумаги.

— Возможно, предмет был передан через доверенное лицо.

Эва провела пальцем по краю рамы. Под свежим слоем защитного картона обнаружилась узкая полоска бумаги. На ней стояли три цифры: 17–04–9.

— Сфотографируй, — сказала она Нике.

— Уже.

В ту же секунду за дверью хранилища раздались шаги. Не торопливые. Ровные. Человек шёл так, словно точно знал, куда направляется.

Сотрудник поднял голову.

— У вас посетитель?

— Нет, — сказала Эва.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина в тёмном пальто. Высокий, широкоплечий, с короткими тёмными волосами и спокойным лицом, которое не обещало ничего хорошего. За ним оставались двое охранников, но он не оглядывался на них — ему не требовалось проверять, идут ли за ним.

Он посмотрел сначала на Эву, потом на картину.

— Добрый день, Эва Ильинична.

— Мы знакомы?

— Нет. Но ваш отец был знаком со мной.

— Тогда у вас есть преимущество. Вы знаете, что он умер.

Мужчина едва заметно кивнул.

— Марк Арсеньев.

Он протянул руку. Эва посмотрела на неё, но не пожала.

— И что вам нужно, господин Арсеньев?

— Картина.

— Она моя.

— Пока вы не знаете, что именно вам досталось.

— А вы, разумеется, знаете?

— Достаточно, чтобы попросить вас не уносить её отсюда.

Эва усмехнулась.

— Вы всегда начинаете знакомство с просьбы не трогать чужие вещи?

— Только когда чужие вещи могут стоить кому-то жизни.

Ника шагнула ближе к подруге.

— Мы закончили разговор.

Марк впервые посмотрел на неё.

— Нет. Мы его только начали.

— Тогда начните с объяснения, почему вы считаете, что можете распоряжаться моей собственностью.

Он снова посмотрел на картину. На одно мгновение в его лице появилось что-то похожее на усталость.

— Потому что ваш отец украл её у человека, который не умеет прощать.

— И вы пришли вернуть долг?

— Я пришёл, чтобы вы не оказались между двумя людьми, которые уже давно перестали различать долг и месть.

— Поздно, — сказала Эва. — Я уже между вами.

Она сняла с крючка пальто, забрала папку с документами и направилась к выходу.

Марк не остановил её. Только когда она проходила мимо, произнёс негромко:

— Не открывайте заднюю часть рамы дома.

Эва остановилась.

— Почему?

— Потому что если там то, что я думаю, вы больше не сможете жить так, будто ваш отец был обычным бухгалтером.

Она посмотрела ему в глаза.

— А вы больше не сможете жить так, будто я буду делать всё, что вы скажете.

— Это я уже понял.

И впервые за весь разговор Марк улыбнулся. Не тепло. Скорее так, будто услышал знакомую музыку и не был уверен, нравится ли она ему.

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НЕ НУЖНО ПОВТОРЯТЬ

Марк Арсеньев, которому недавно исполнилось тридцать пять, не любил три вещи: непредсказуемость, бесполезную жестокость и людей, которые смотрели на него так, будто его можно заставить объясняться.

Эва Чернова умудрилась сделать всё это за один разговор.

— Она забрала картину, — сказал Роман, когда дверь хранилища закрылась.

— Я заметил.

— Прикажешь вернуть?

Марк посмотрел на него.

Роман Кадеев был старше его на четыре года, крепче на добрых двадцать килограммов и обладал редким талантом оставаться спокойным даже тогда, когда вокруг начиналась стрельба. Они работали вместе девять лет. Роман знал, когда задавать вопросы, а когда лучше молчать. Сегодня он, очевидно, решил проверить границы.

— Я не приказывал ей отдавать картину силой, — сказал Марк.

— Пока.

— Не путай терпение с нерешительностью.

Роман коротко кивнул.

— Что делаем?

— Сначала выясним, кто передал картину. Потом — кто знает о цифрах на раме. И отдельно проверь хранилище. Все камеры, все входы, все сотрудники.

— А девушка?

— Не трогать.

— Ты уверен?

— Да.

Роман задержал на нём взгляд.

— Илья Чернов был не тем человеком, которому можно было доверять.

— Я не говорил, что доверял ему.

— Но его дочь ты решил оставить в покое.

Марк застегнул пальто.

— Его дочь ничего мне не должна.

— Пока она не открыла раму.

Эта фраза осталась между ними, когда они вышли на улицу.

* * *

Вечером Марк приехал в старый особняк на набережной. Дом принадлежал его семье задолго до того, как порт стал приносить деньги. В детстве ему казалось, что стены здесь впитали слишком много голосов: семейных ужинов, приказов, ссор, коротких разговоров за закрытыми дверями. Теперь он слышал только собственные шаги.

Мать сидела в зимнем саду. На коленях лежала книга, которую она не читала.

— Ты видел картину? — спросила она вместо приветствия.

Марк остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что пять лет назад Илья обещал, что она никогда не всплывёт.

— Значит, ты знала.

— Я знала, что он что-то спрятал.

— И не сказала мне?

Женщина закрыла книгу.

— Ты тогда не был готов услышать правду.

— Я был готов услышать всё, что касалось смерти отца.

— Нет. Ты был готов найти виновного и заставить его заплатить. Это разные вещи.

Марк подошёл к окну. В саду дождь стучал по стеклянной крыше, а отражение люстры делало его лицо старше.

— Почему Илья передал картину сейчас?

— Возможно, не передавал. Возможно, кто-то нашёл её и решил, что ты должен увидеть.

— Зачем?

— Чтобы ты сделал именно то, что делаешь сейчас.

— И что же я делаю?

— Идёшь туда, куда тебя ведут.

Он резко повернулся.

— Ты хочешь сказать, что это ловушка?

— Я хочу сказать, что в этой истории слишком много людей, которые считают себя режиссёрами. И слишком мало тех, кто понимает, что спектакль уже начался.

Марк ничего не ответил.

— Не делай из девочки приманку, — добавила мать.

— Ей двадцать семь.

— Для тебя все женщины, которых ты не знаешь, сначала выглядят как фигуры на доске. Не повторяй ошибок отца.

— Я не отец.

— Именно это ты говоришь каждый раз, когда поступаешь как он.

Марк вышел из зимнего сада, не попрощавшись.

* * *

В мастерской Эва заперла дверь на два замка и поставила картину на широкий рабочий стол. Ника сидела напротив, поджав под себя ногу.

— Итак, — сказала она. — У нас есть загадочная картина, загадочный мужчина и загадочные цифры. Я предлагаю начать с вина.

— Я предлагаю начать с рамы.

— Ты всегда выбираешь самый скучный вариант.

Эва достала инструменты. Сначала сняла защитную бумагу, затем осмотрела крепления. Доска оказалась тяжелее, чем должна была быть. В нижней части рамы виднелся старый шов, закрытый слоем воска.

— Вот это уже интересно.

— Мне не нравится, когда ты так говоришь.

— Почему?

— Потому что обычно после этого что-нибудь взрывается.

Эва осторожно прогрела воск, сняла тонкую планку и обнаружила вторую стенку. Между слоями был зажат узкий конверт из плотной бумаги. На нём стоял почерк отца.

«Если ты читаешь это, значит, я не смог вернуться».

Ника перестала шутить.

Эва вскрыла конверт. Внутри лежал маленький латунный ключ, фотография мужчины у портовых ворот и лист с четырьмя строками цифр.

На обороте фотографии было написано: «Не верь Арсеньеву. Но выслушай его».

— Как это понимать? — тихо спросила Ника.

Эва перевернула фотографию. На ней отец стоял рядом с молодым Марком Арсеньевым. Рядом был ещё один мужчина, чьё лицо перечёркивала чёрная полоса.

— Я не знаю, — ответила она.

Телефон завибрировал. На экране высветился неизвестный номер.

Эва включила громкую связь.

— Да?

— Вы открыли раму, — произнёс мужской голос.

Она побледнела, но голос не изменился.

— А вы кто?

— Человек, который советует вам положить ключ обратно и забыть о картине.

— А я советую вам больше не звонить мне.

— Вы дочь Ильи. Значит, должны понимать: некоторые долги передаются по наследству.

— Тогда приходите с документами. Я люблю всё оформлять официально.

На другом конце послышался короткий смешок.

— У вашего отца было такое же чувство юмора. Оно ему не помогло.

Связь оборвалась.

Ника поднялась.

— Мы вызываем полицию.

— Да.

Эва набрала экстренный номер, но, пока ждала ответа оператора, услышала за дверью мастерской три коротких удара.

Не звонок. Не стук кулаком.

Условный сигнал.

Она посмотрела на Нику.

— Ты кому-нибудь говорила, где мы?

— Нет.

За дверью снова ударили. На этот раз один раз.

Эва выключила свет.

ГЛАВА 3. НЕ ПРИХОДИТЕ ОДНА

Тишина мастерской стала такой плотной, что Эва слышала, как Ника задерживает дыхание.

За дверью кто-то стоял. Не двигался, не звонил, не пытался войти. Просто ждал.

— Вызов прошёл? — прошептала Ника.

Эва посмотрела на телефон. На экране всё ещё отображался набор номера.

— Да.

— И что нам делать?

Эва медленно отступила от двери. В мастерской было два выхода: главный и узкая дверь во внутренний двор, которой пользовались для доставки материалов. Она показала Нике на неё.

— Иди туда. Не выходи на улицу. Позвони моему адвокату и скажи, что мы нашли письмо отца.

— А ты?

— Я за картиной.

— Ты серьёзно?

— Там ключ и документы.

— Эва, я не собираюсь оставлять тебя одну.

— Тогда не оставляй. Просто не стой на месте.

Шаги за дверью переместились. Кто-то провёл ладонью по металлу ручки.

В следующую секунду раздался резкий удар, и замок треснул.

Эва схватила тяжёлую лампу. Ника — первый попавшийся деревянный брусок. Дверь распахнулась, но в проёме появился не тот человек, которого они ожидали.

Марк Арсеньев.

— Отойдите от двери, — сказал он.

— Вы что здесь делаете? — выдохнула Эва.

— Спасаю вам жизнь. Хотя, судя по тому, что вы держите в руках, вы планировали справиться сами.

— Я не просила.

— Заметил.

За его спиной показался Роман.

— Две машины у заднего двора, — сказал он. — Одна без номеров. Вторая перекрыла проезд.

Марк посмотрел на Эву.

— Ключ у вас?

— Какой ключ?

— Тот, который вы нашли в раме.

— Вы очень много знаете о моих вещах.

— Я знаю достаточно, чтобы понять: человек, который звонил вам, не собирается ждать, пока вы разберётесь с загадками.

В коридоре раздался выстрел. Ника вскрикнула. Эва шагнула к ней, но Марк оказался быстрее. Он схватил обеих за плечи и увёл за тяжёлый стол, когда стекло в двери осыпалось на пол.

— Вниз! — приказал Роман.

Марк достал пистолет, но не выстрелил сразу. Он выглянул из-за стола, оценил коридор и только тогда сделал два коротких выстрела. Снаружи кто-то выругался. Послышались быстрые шаги.

— Роман, выведи девушку через двор.

— Обеих?

— Обеих.

— Я не пойду с ним, — сказала Эва.

Марк повернулся к ней.

— Сейчас можно спорить. Но лучше делать это в машине.

— Я не сяду к вам.

— Тогда сядете к тем, кто пришёл за ключом.

— Вы могли привести их сами.

Он не стал отрицать.

Эта пауза сказала больше любых слов.

Эва поднялась, прижимая к груди конверт. Ника схватила её за руку.

— Я с тобой.

— Нет, — сказал Марк. — Роман отвезёт вас в безопасное место.

— Ещё раз скажете мне, что делать, и я ударю вас этой лампой, — процедила Ника.

Роман, впервые за вечер, усмехнулся.

— Мне она нравится.

— Мне нет, — ответила Эва.

— Это взаимно, — сказал Марк.

Они выбрались через двор. У мусорных контейнеров стоял чёрный внедорожник. Роман открыл заднюю дверь и жестом предложил Нике сесть.

— Куда вы её повезёте? — спросила Эва.

— Туда, где не стреляют в окна.

— Это не адрес.

— Зато хорошее начало.

Ника забралась внутрь. Эва осталась на месте.

Марк стоял рядом, закрывая собой улицу. На его рукаве темнело пятно крови.

— Вы ранены.

— Не моя.

— Надеюсь, вы уверены.

— Я обычно знаю, когда меня ранили.

— А в остальных случаях?

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал разговор.

— В остальных случаях я стараюсь не ошибаться.

Сзади снова раздался шум. Марк подтолкнул её к машине, но не грубо — просто не оставил времени на новый спор.

— Вы поедете со мной, — сказал он. — Не потому, что я так решил. Потому что теперь у вас есть то, за чем придут снова.

— И вы знаете, что это?

— Нет.

— Впервые честный ответ.

— Привыкайте.

Дверь закрылась. Внедорожник рванул с места, и мастерская исчезла за поворотом.

Эва смотрела на конверт в своих руках. Отец оставил ей ключ, фотографию и предупреждение. Он не оставил ей ни объяснения, ни права отказаться.

Она повернулась к Марку.

— Если вы хотите, чтобы я помогла вам, начните с правды.

— Правда стоит дороже, чем вы думаете.

— Тогда считайте это первым взносом.

ГЛАВА 4. ПРАВИЛА ЧУЖОГО ДОМА

Дом Марка Арсеньева находился за городом, среди сосен и старых каменных стен. С дороги он выглядел почти безобидно: тёплые окна, широкое крыльцо, аккуратный сад. Только камеры на периметре и люди у ворот напоминали, что это не загородный отель.

Эва вышла из машины и огляделась.

— Вы привезли меня в крепость.

— В дом.

— У дома обычно нет вооружённой охраны на каждом углу.

— У некоторых есть.

— У некоторых — это у людей, которые не умеют решать проблемы словами.

Марк снял пальто и отдал его стоявшему у входа мужчине.

— Вы удивитесь, сколько проблем решается словами. Просто иногда приходится повторять их очень громко.

— У вас отвратительная привычка считать себя остроумным.

— А у вас — делать выводы до того, как узнаете факты.

— Факты обычно не прячут за охраной.

Он остановился у двери.

— В вашем распоряжении будет гостевая комната на втором этаже. Дверь закрывается изнутри. На окнах нет решёток. Вы можете позвонить подруге и адвокату. Выйти за территорию пока нельзя.

— Значит, это всё-таки крепость.

— Это временная мера.

— Вы говорите так, будто я должна быть благодарна.

— Нет. Я говорю так, чтобы вы понимали условия.

Эва посмотрела на него внимательно.

— Тогда мои условия. Я не отдаю вам ключ. Я не передаю картину. Я хочу знать, кто звонил, кто напал на мастерскую и почему вы знаете моего отца. И Ника должна оставаться в безопасности, не под вашим надзором, а под защитой, которую выберу я.

Марк чуть наклонил голову.

— Вы быстро составили список.

— Я быстро поняла, что вы не привыкли, когда с вами торгуются.

— Ошибаетесь. Я привык, что люди торгуются. Не привык, что они предлагают цену, не зная товара.

— Тогда расскажите, что за товар.

— Завтра.

— Сегодня.

— Вы устали, у вас был шок, и в вашей мастерской стреляли. Сегодня вы поедите, примете душ и поспите. Завтра поговорим.

— Вы не мой отец.

— К счастью для нас обоих.

Она резко отвернулась.

Комната оказалась просторной, с высокими окнами и видом на сосны. На кресле лежала новая одежда, на тумбе — зарядное устройство и стакан воды. Всё было слишком продуманным, чтобы казаться гостеприимством.

Эва проверила дверь. Замок действительно закрывался изнутри. Она позвонила Нике. Та ответила сразу.

— Ты где? Что с тобой? Ты ранена?

— Я цела. Ты?

— Цела и зла. Меня привезли в какую-то квартиру, дали чай и сказали, что я под защитой. Я попросила адрес. Мне сказали, что адрес сообщат позже. Если увижу твоего Арсеньева, передай, что он мне не нравится.

— Он мне тоже.

— Отлично. Тогда я хотя бы не одна в этом мнении.

Эва услышала на фоне голос Романа.

— Скажи ей, что она может уйти, если захочет, — произнёс он.

— Он говорит, что я могу уйти.

— И ты ему веришь?

— Нет.

— Хорошо. Не верь никому, пока не появятся причины.

Эва улыбнулась впервые за вечер.

— Я тебя люблю.

— Я знаю. Но если завтра тебя снова попытаются похитить, я лично приеду и сломаю кому-нибудь нос.

— Встанешь в очередь.

Они отключились.

Позже Эва вышла в коридор. Дом был почти пустым. Из кабинета на первом этаже доносились голоса. Она не собиралась подслушивать, но услышала своё имя.

— Девочка не знает, что держит, — говорил Роман.

— Знает достаточно.

— А если она отдаст ключ кому-то ещё?

— Не отдаст.

— Ты уверен?

— Нет. Но я уверен, что угрозы не заставят её сотрудничать.

— Значит, будешь просить?

— Значит, буду договариваться.

Эва шагнула назад, но половица скрипнула.

Разговор оборвался.

Дверь кабинета открылась. Марк вышел первым.

— Не спится?

— Вы обсуждаете меня так громко, что было бы невежливо не послушать.

— В следующий раз постучите.

— В следующий раз говорите обо мне в другой комнате.

Он внимательно посмотрел на неё. Без пальто и пиджака Марк выглядел менее официально, но не менее опасно. Рукава рубашки были закатаны, на запястье виднелся тонкий шрам.

— Завтра в десять, — сказал он. — Покажете мне содержимое конверта.

— Я ещё не решила.

— Вы уже решили. Иначе не вышли бы сюда.

— Не путайте любопытство с согласием.

— Не путаю.

Эва прошла мимо него к лестнице. На середине ступеней остановилась.

— Марк.

Он поднял глаза.

— Если вы хоть раз попытаетесь использовать Нику, я уничтожу всё, что вы ищете.

— Я понял.

— Нет. Вы услышали. Это разные вещи.

Она поднялась наверх, оставив его стоять внизу.

Марк смотрел ей вслед. Роман подошёл к нему с чашкой кофе.
— Она тебе нравится?
— Она проблема.
— Я не спрашивал, кем она работает.
Марк забрал чашку.
— Не начинай.
— Я и не начинал. Просто предупреждаю: у тебя очень плохой вкус на проблемы.

ГЛАВА 5. ЧТО ОСТАВИЛ ОТЕЦ

На следующий день Эва пришла в кабинет ровно в десять. Она не спала почти всю ночь, но не позволила себе выглядеть уставшей. Волосы были собраны, рубашка застёгнута на все пуговицы, ключ лежал в кармане джинсов.

Марк уже ждал. На столе стояли две чашки кофе и тонкая папка.

— Чёрный, без сахара, — сказал он, подвигая чашку.

— Вы следили за мной?

— Вы пили такой кофе в хранилище.

— Удивительно, сколько времени у вас уходит на наблюдение за чужими привычками.

— Это часть работы.

— А какая часть работы — вторгаться в чужие дома?

— Та, которую обычно не обсуждают за завтраком.

Эва не села.

— Начнём с отца.

Марк открыл папку. На первом листе была фотография Ильи Чернова — молодой, худой, в светлой рубашке. Рядом стоял мужчина постарше.

— Это мой отец, Арсен Арсеньев. Он возглавлял Северный круг. Илья вёл финансовые записи и управлял частью легальных компаний.

— Мой отец был бухгалтером.

— Он был гораздо больше, чем бухгалтер.

— Вы хотите сказать, что он был преступником?

— Я хочу сказать, что он обслуживал преступную систему. Иногда он помогал ей, иногда пытался её ограничить. В какой-то момент решил выйти.

— И вы его не отпустили.

— Я не принимал этого решения.

— Но знали о нём.

Марк выдержал её взгляд.

— Да.

Эва почувствовала, как внутри поднимается холодная злость.

— Пять лет вы знали, что мой отец исчез, и ничего не сказали?

— Я не знал, где он. И не знал, что он жив.

— А теперь?

— Теперь я не знаю даже этого.

Она достала фотографию из конверта и положила перед ним. Марк посмотрел на перечёркнутое лицо.

— Кто это?

— Глеб Зорин. Тогда он был заместителем моего отца. Сейчас контролирует половину порта.

— И он звонил мне.

— Скорее всего.

— Почему ему нужна картина?

— Не картина. То, что спрятано внутри.

Эва положила ключ на стол.

— Что открывает это?

— Я не знаю.

— Вы всё время говорите, что не знаете. Очень удобная позиция для человека, который пришёл за моими вещами.

Марк взял ключ, но не прикоснулся к нему.

— Есть вероятность, что это ключ от ячейки в старом банковском хранилище. Оно закрыто, но помещение ещё существует. В документах, которые вёл ваш отец, есть номер, похожий на код ячейки.

— И вы хотите, чтобы я открыла её.

— Да.

— Почему сами не можете?

— Потому что ячейка оформлена на имя Ильи Чернова. Доступ наследника может подтвердить только нотариус или вы.

— Значит, вы хотите использовать меня как пропуск.

— Я хочу, чтобы мы нашли то, что ваш отец оставил, прежде чем это найдёт Зорин.

— Что именно?

Марк откинулся на спинку кресла.

— Реестр платежей, договорённостей и людей, которые много лет покупали себе безопасность. Там есть фамилии чиновников, судей, владельцев компаний и нескольких людей из моего окружения.

— Ваших людей тоже?

— Возможно.

— Тогда зачем вам его искать? Вы можете просто уничтожить записи.

— Потому что там есть имя человека, который отдал приказ убить моего отца.

Эва смотрела на него несколько секунд.

— Вы хотите мести.

— Я хочу знать, кто это сделал.

— А потом?

— Это зависит от ответа.

Она усмехнулась без веселья.

— Наконец-то честно.

Марк подвинул к ней лист с цифрами.

— Ваш отец оставил последовательность. Она может быть номером ячейки или шифром. Вы лучше меня понимаете, как он работал с бумагами.

— Я не знаю, как он работал.

— Но можете узнать.

Эва посмотрела на лист. Цифры были записаны группами по три, между ними стояли точки. Внизу — крошечный символ, похожий на старую типографскую литеру.

— Это не банковский код, — сказала она. — Это каталожная запись. Отец использовал старые архивные обозначения, когда не хотел, чтобы документы находили через обычный поиск.

— Вы уверены?

— Нет. Но могу проверить.

— Сколько времени нужно?

— Я не работаю на вас.

— Я этого не говорил.

— Тогда давайте договоримся. Я помогу расшифровать запись и найти ячейку. Взамен вы обеспечите безопасность Ники, предоставите мне доступ к документам отца и не будете скрывать информацию, которая касается его исчезновения.

Марк медленно кивнул.

— Согласен.

— И последнее. Вы не прикасаетесь ко мне без моего разрешения.

Его взгляд стал жёстче.

— Это не обсуждается.

— Хорошо. Тогда мы поняли друг друга.

Он протянул руку. На этот раз Эва пожала её.

Рукопожатие было коротким. Но Марк задержал пальцы на долю секунды дольше, чем требовалось, и тут же отпустил.

Она заметила. И он заметил, что она заметила.

— Начнём сегодня, — сказал он.

— Начнём после того, как я позвоню Нике.

— Конечно.

— И после завтрака.

— Завтрак уже здесь.

Эва посмотрела на две чашки кофе и тарелку с тостами.

— Вы всегда так готовитесь к переговорам?

— Только когда ожидаю, что меня будут шантажировать.

— Это не шантаж. Это деловые условия.

— Разумеется.

Она взяла тост.

— И кофе слишком крепкий.

— В следующий раз учту.

— Не обещайте того, что не сможете выполнить.

Марк не ответил. Но впервые за несколько месяцев ему захотелось узнать, каким будет следующий раз.

ГЛАВА 6. НИТЬ, КОТОРАЯ НЕ РВЁТСЯ

К полудню кабинет превратился в архивную мастерскую. Эва разложила на столе фотографии, копии старых накладных, карту города и листы с отцовскими пометками. Марк наблюдал за ней молча, пока она не попросила освободить край стола.

— Вы мешаете.

— Я сижу.

— Вы занимаете пространство.

— Это мой кабинет.

— Тогда купите стол побольше.

Роман, который стоял у двери, кашлянул, скрывая смех.

Марк посмотрел на него.

— Тебе смешно?

— Нет. У меня просто аллергия на старую мебель.

Эва не подняла головы.

— У вас аллергия на чувство юмора.

— У меня аллергия на людей, которые слишком быстро чувствуют себя как дома.

— Тогда вам стоило не приглашать меня сюда.

— Я вас не приглашал. Я предложил договор.

— Разница только в том, кто платит за кофе.

Роман тихо вышел, оставив дверь приоткрытой.

Эва сосредоточилась на цифрах. Через несколько минут она нашла закономерность: группы чисел совпадали с номерами папок, которые Илья использовал в старом каталоге семейной библиотеки. Только библиотека давно была продана вместе с домом.

— Где хранились архивы Арсеньевых до переезда? — спросила она.

Марк перестал просматривать телефон.

— В особняке на старой стороне города.

— Там была библиотека?

— Да.

— В ней сохранился каталог?

— Часть. Остальное сгорело.

— Когда?

— В год смерти отца.

Эва подняла глаза.

— Случайный пожар?

— По документам.

— А по-вашему?

Марк несколько секунд молчал.

— В ту ночь там был человек, которого не должно было быть.

— Зорин?

— Возможно.

Эва повернула лист к нему.

— Тогда цифры не номер ячейки. Это адрес каталожной карточки. Библиотека — номер шкафа, точка — полка, последняя цифра — позиция. Ваш отец хранил документы не в ячейке. Он спрятал их в библиотеке.

Марк приблизился к столу. Его плечо оказалось рядом с её плечом. Эва почувствовала запах кедра и холодного воздуха, который он принёс с улицы.

— Вы уверены?

— Нет. Но это единственная версия, которая объясняет все числа.

— Тогда поедем.

— Сейчас?

— Да.

— Вы умеете планировать хотя бы на пять минут вперёд?

— Обычно на пять лет.

— И всё равно каждый раз удивляетесь, когда люди не хотят следовать вашему плану.

Он посмотрел на неё, и на секунду между ними возникло то самое напряжение, которое не имело отношения к угрозам или делу. Эва первой отвела взгляд.

— Мне нужны перчатки, фонарь, фотоаппарат и доступ к каталогу.

— Будет.

— И никакой самодеятельности.

— Это вы говорите мне?

— Именно.

Они выехали через двадцать минут.

* * *

Старый особняк стоял за железными воротами, покрытыми ржавчиной. Фасад был заколочен, сад зарос, а на втором этаже зияли чёрные провалы окон. Дом выглядел так, будто сам город давно решил забыть о нём.

Марк остановился у крыльца.

— Здесь я вырос.

— Не похоже на счастливое место.

— Счастье редко входит в семейные архивы.

— Вы всегда говорите загадками?

— Только когда не хочу отвечать.

Внутри пахло сыростью и пеплом. Эва включила фонарь. На стенах сохранились следы картин, а на полу — полосы от мебели, которую вынесли после пожара. Библиотека находилась в западном крыле.

Каталожные шкафы стояли у дальней стены. Большинство ящиков были пусты, некоторые обуглились. Эва нашла секцию с номером, совпадавшим с первой группой цифр.

— Вот.

Она выдвинула ящик. Внутри лежали карточки, покрытые пылью. Эва перебирала их медленно, сверяя коды. На одной карточке был изображён символ — та же литера, что стояла на листе отца.

На обратной стороне кто-то написал: «Тот, кто читает, должен знать цену».

— Что это значит? — спросил Марк.

— Пока не знаю.

Под карточкой оказалась тонкая металлическая пластина с номером 17–04–9.

— Значит, это не просто каталожная запись, — сказала Эва. — Это указатель на физический объект.

Она повернула пластину. В углу был выцарапан маленький крест.

Марк заметно напрягся.

— Что?

— Вы знаете этот знак?

— Да. Он был на документах моего отца.

— Каких документах?

— На тех, которые исчезли в ночь пожара.

Эва положила пластину в прозрачный пакет.

В этот момент в коридоре раздался звук шагов.

Марк мгновенно выключил фонарь.

— За мной, — прошептал он.

— Вы же сказали, что сюда никто не ездит.

— Я сказал, что дом пустой.

— Это не одно и то же.

Он достал оружие.

Из коридора донёсся голос:

— Марк? Ты здесь?

Марк не ответил.

— Я знаю, что ты здесь. Не заставляй меня искать.

Эва узнала голос. Тот самый, который звонил ей вчера.

— Зорин, — выдохнула она.

Марк кивнул.

— Теперь вы понимаете, почему я просил не открывать раму дома?

— Понимаю, что вы слишком поздно начали просить.

Марк посмотрел на неё. В его взгляде не было злости — только холодная сосредоточенность.

— Когда я скажу бежать, вы бежите.

— А если я не хочу?

— Тогда хотя бы не мешайте мне вас вытащить.

Он шагнул к двери.

Эва сжала пакет с пластиной. Впервые за долгое время она почувствовала не страх, а странное, почти ясное понимание: её жизнь уже не вернётся к прежней. И дело было не только в людях, которые пришли за ключом.

Дело было в том, что она начала доверять человеку, которому доверять было опаснее всего.

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Зорин вошёл в библиотеку без спешки. Он был старше Марка, но двигался легко, почти бесшумно. На нём был серый костюм без галстука, а на лице — выражение человека, который привык, что двери открываются до того, как он до них доходит.

— Я надеялся, что ты окажешься умнее, — сказал он.

Марк стоял за колонной. Эва — за высоким шкафом, прижимая к груди пакет с металлической пластиной.

— Ты всегда надеешься на чужой ум, когда своего не хватает, — ответил Марк.

Зорин улыбнулся.

— Арсен говорил то же самое. И чем закончил?

— Не будем делать вид, что ты скорбел.

— Я скорбел. Просто не так, как тебе хотелось.

За спиной Зорина появился вооружённый мужчина. Марк поднял пистолет, но не выстрелил. Он ждал, пока тот переступит порог и окажется в линии света.

— У тебя есть то, что принадлежало моему старому другу, — сказал Зорин. — Отдай, и мы разойдёмся.

— Ты пришёл в дом моего отца. Это уже не похоже на мирный визит.

— Я пришёл за бумагами.

— За какими именно?

— Не заставляй меня перечислять.

Марк едва заметно повернул голову к Эве. Она поняла: он просил её не двигаться.

Но в кармане у неё завибрировал телефон.

Звук показался оглушительным.

Зорин повернулся.

— А вот и наша наследница.

Марк выстрелил первым.

Оружие грохнуло в закрытом помещении. Зорин упал за стол, его человек ответил огнём. Стекло разлетелось на мелкие осколки. Эва бросилась к полу, закрывая голову руками.

— К выходу! — крикнул Марк.

Она поползла вдоль шкафа, пока не оказалась у боковой двери. Марк прикрывал её, двигаясь следом. В коридоре появился Роман, который, как оказалось, зашёл через задний вход.

— Машина готова!

— Эва, сюда!

Она поднялась, но в ту же секунду услышала короткий вскрик. Марк схватился за плечо. На ткани быстро расползалось тёмное пятно.

— Вы ранены!

— Потом.

— Это кровь.

— Наблюдательная.

— Прекратите шутить!

Он посмотрел на неё так, что она замолчала.

Они выбежали на улицу. Роман открыл заднюю дверь. Эва забралась внутрь и повернулась, чтобы помочь Марку. Он оттолкнул её руку.

— Не надо.

— Не командуйте.

— Эва.

— Марк.

И он позволил ей поддержать его, пока Роман захлопывал дверь.

Машина сорвалась с места. Несколько секунд никто не говорил. Потом Эва достала салфетки и прижала к его плечу.

— Я не врач, — сказала она. — Поэтому не умирайте.

— Постараюсь.

— Это не просьба.

Марк посмотрел на её руки. Они дрожали, но держали давление ровно.

— Вы могли уйти.

— Вы могли не возвращаться за мной.

— Это не ответ.

— А вы не задали вопрос.

Он хотел что-то сказать, но только прикрыл глаза.

Роман смотрел на дорогу.

— На старую базу нельзя. Зорин знает адрес.

— В город, — сказал Марк.

— Там опасно.

— В городе больше выходов.

— И больше людей Зорина.

— Значит, будем осторожны.

Эва прижимала салфетки к его плечу и пыталась не смотреть на кровь. Она вспомнила, как отец говорил: «Никогда не путай человека, который спас тебя, с человеком, которому можно доверять». Тогда она считала это ещё одной старой нравоучительной фразой.

Теперь слова звучали иначе.

— Почему он хочет документы? — спросила она.

Марк открыл глаза.

— Потому что в них есть доказательства, что он предал моего отца.

— А если там есть доказательства, что ваш отец тоже был не лучше?

Он долго смотрел на неё.

— Тогда я хочу увидеть их первым.

Эва кивнула.

Она не знала, было ли это честностью или просто очередным способом удержать её рядом. Но впервые Марк не пытался звучать непобедимым.

И именно это оказалось опаснее всего.

ГЛАВА 8. КРОВЬ НА БЕЛОЙ РУБАШКЕ

В клинику они приехали через чёрный ход.

Роман вёл машину слишком быстро, но не настолько, чтобы это выглядело паникой. Марк сидел рядом с Эвой, прижав ладонь к плечу. Кровь пропитала рубашку и уже добралась до манжеты. Он молчал, будто рана была досадным пятном на одежде, а не частью собственного тела.

— Вы теряете кровь, — сказала Эва.

— Я заметил.

— Тогда хотя бы перестаньте делать вид, что вам всё равно.

— Мне не всё равно. Просто я предпочитаю обсуждать это после того, как мы выйдем из машины.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые пытаются вам помочь?

— Обычно они не угрожают мне лампой.

Она отвернулась к окну. Ей хотелось сказать, что лампа была бы вполне заслуженной, но голос застрял где-то в горле. Перед глазами всё ещё стояла библиотека: осколки, выстрелы, кровь на рукаве Марка. И его рука, которая на короткое мгновение закрыла её голову от стекла.

Она не хотела помнить этот жест. Он мешал злиться.

В клинике их встретила женщина лет сорока пяти в тёмно-синем халате. Её звали Анастасия Сергеевна, но Роман называл её просто Настей. Она посмотрела на Марка, потом на Эву и сразу всё поняла.

— Опять плечо?

— На этот раз левое, — сказал Марк.

— Поздравляю. Хоть какое-то разнообразие.

— Не начинай.

— Ты привёл девушку, значит, начну. Садись.

Эва осталась у двери.

— Пуля прошла навылет? — спросила она.

Настя взглянула на неё внимательнее.

— Нет. Задела мягкие ткани, но осколок остался. Нужно извлечь и обработать. Вы родственница?

— Нет.

— Тогда можете подождать снаружи.

— Я останусь.

Марк повернул голову.

— Эва.

— Не произносите моё имя таким тоном. Вы взрослый человек. У вас есть право решать, кто будет рядом. У меня есть право не уходить, если я не хочу.

Настя негромко хмыкнула.

— Наконец-то кто-то сказал ему это вслух.

Она указала на стул. Эва села, сцепив пальцы так сильно, что побелели костяшки. Когда Настя разрезала ткань рубашки, Марк даже не поморщился. Только однажды закрыл глаза, и Эва заметила, как напряглась его челюсть.

— Больно? — спросила она.

— Нет.

— Не врите хотя бы сейчас.

Он открыл глаза.

— Да. Больно.

Признание прозвучало тихо, почти сердито. Но почему-то именно оно заставило Эву выдохнуть.

Через двадцать минут осколок был извлечён. Марку наложили швы и перевязали плечо. Настя выписала лекарства и запретила водить машину, поднимать тяжести и изображать бессмертного.

— Последнее особенно сложно, — заметил Роман.

— Я могу выписать тебе седативное, — сказала Настя.

— Мне не надо.

— Тогда перестань комментировать чужую жизнь.

Когда они вышли в коридор, Марк выглядел бледнее, чем хотел показать. Эва остановилась перед ним.

— Теперь вы расскажете, что происходит.

— Не здесь.

— Вы говорили это в машине. Потом в клинике. У вас удивительная способность переносить правду на более удобное время.

— Я не хочу, чтобы ты услышала это от людей, которым нельзя доверять.

Она впервые заметила, что он перешёл на «ты». Не случайно. Не в пылу разговора. Он выбрал это обращение так же осознанно, как выбирал слова в переговорах.

— А тебе можно?

— Нет.

Ответ был настолько прямым, что Эва растерялась.

— Тогда почему я должна тебя слушать?

— Не должна. Но если уйдёшь сейчас, они найдут тебя быстрее, чем ты найдёшь полицейского, которому можно рассказать всё без риска, что информация вернётся к Зорину.

— Значит, ты предлагаешь мне выбрать между тобой и человеком, который стрелял в нас.

— Я предлагаю выбрать место, где у тебя будет шанс разобраться.

— А если я хочу сама решать, что для меня шанс?

Марк выдержал её взгляд.

— Тогда решай. Я не стану удерживать.

Она смотрела на него, пытаясь определить, где заканчивается честность и начинается расчёт. В его лице не было ни раздражения, ни привычного превосходства. Только усталость и боль, которую он не прятал так тщательно, как обычно.

— Я поеду с вами, — сказала Эва. — Но не потому, что вы меня убедили. Потому что мне нужны ответы.

— Это справедливо.

— И Ника остаётся в безопасности. Я хочу знать, где она, и разговаривать с ней без посредников.

— Роман устроит звонок.

— Не Роман. Ты.

Марк слегка наклонил голову.

— Хорошо.

Она достала телефон и набрала подругу. Ника ответила почти сразу.

— Эва? Господи, где ты? Я уже собиралась ехать в полицию, потом этот шкафообразный человек сказал, что ты жива, но я всё равно хотела его убить.

— Я жива.

— Это я слышу. Ты цела?

Эва посмотрела на Марка.

— Не совсем. Но сейчас всё нормально.

— Кто с тобой?

— Марк Арсеньев.

На другом конце стало тихо.

— Тот самый?

— Да.

— Эва, я сейчас очень хочу сказать тебе много плохих слов. Но сначала хочу, чтобы ты ответила на один вопрос. Ты ему доверяешь?

Эва посмотрела на бинт под распахнутым воротом Марка. Он слушал, не вмешиваясь.

— Нет, — ответила она. — Но я начинаю понимать, почему он мне нужен.

— Это ещё хуже.

— Знаю.

— Я рядом, слышишь? Не вздумай решать всё в одиночку. Ты всегда так делаешь, а потом говоришь, что не хотела меня волновать.

Эва почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Я знаю. Прости.

— Не извиняйся. Просто вернись. И если этот Арсеньев хоть раз попробует говорить с тобой как с вещью, я лично приеду и объясню ему, почему это плохая идея.

Марк едва заметно улыбнулся.

— Передай, что я услышал.

— Она сказала, что не будет передавать, — отозвалась Эва.

Впервые за этот вечер она рассмеялась. Коротко, нервно, но по-настоящему.

И Марк смотрел на неё так, словно этот звук оказался важнее всех объяснений, которые он собирался дать.

ГЛАВА 9. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ СПЯТ

Загородный дом Марка был построен из светлого камня, но внутри преобладали тёмное дерево и стекло. В нём не было семейных фотографий, сувениров из поездок или случайных вещей, которые люди обычно оставляют вокруг себя. Всё находилось на своих местах. Даже тишина казалась организованной.

Эва прошла в гостиную и остановилась у панорамного окна.

— Здесь всегда так тихо?

— Когда я дома.

— А когда вас нет?

— Тогда люди стараются не шуметь.

— Удобно. Можно было бы продавать это как услугу.

Марк снял пиджак здоровой рукой и поморщился, когда ткань задела повязку.

— Комнаты на втором этаже. Выбирай любую.

— Я не собираюсь жить здесь.

— Я не предлагаю тебе прописку.

— Вы предлагаете мне временное убежище, которое выглядит как золотая клетка.

— В клетке обычно нет гостевых комнат с отдельным выходом.

Она посмотрела на него.

— Отдельный выход есть?

— Два.

— Камеры?

— Снаружи.

— Замки?

— На всех дверях.

— Ключи?

Он достал из кармана связку и положил на стол.

— Все, кроме ворот. Там электронный доступ.

Эва не ожидала такого ответа. Она взяла ключи, проверила каждый и убрала в карман.

— Спасибо.

— Не привыкай.

— Не беспокойтесь. У вас плохо получается быть гостеприимным.

— А у тебя — благодарной.

— Значит, мы оба остаёмся собой.

Марк посмотрел на неё чуть мягче.

— Это было бы неплохо.

Роман появился из коридора с двумя телефонами и тонкой папкой.

— Для вас, — сказал он Эве, протягивая один аппарат. — Новый номер, контакты Ники, экстренная связь. Старый телефон лучше пока не включать.

— А второй?

— Для связи с Марком.

— У него есть мой номер.

— Теперь у него будет ещё один способ испортить вам вечер.

— Роман, — предупредил Марк.

— Молчу.

Эва забрала телефон.

— Спасибо.

— Не за что. Кстати, ужин через полчаса. Повара сегодня нет, поэтому готовить будет Марк.

— Я не собирался готовить.

— Тогда, возможно, Эва сможет спасти нас обоих.

— Я умею готовить, — сказала она.

— Это звучит как угроза, — заметил Роман.

Когда он ушёл, Эва повернулась к Марку.

— Вы действительно собирались меня кормить сами?

— Я могу заказать.

— Не нужно. У вас есть кухня?

— К сожалению.

— И продукты?

— Если Роман не съел всё по дороге.

— Тогда я приготовлю. Но вы будете нарезать овощи одной рукой.

— Я не беспомощен.

— Я этого и не говорила. Но если вы хотите доказать обратное, можете порезать себе палец. Тогда я буду перевязывать уже две раны.

Он уступил кухню без дальнейших споров.

Готовить вместе оказалось неожиданно неловко. Марк стоял слишком близко, молчал слишком долго и смотрел на неё, когда думал, что она не замечает. Эва делала вид, что не замечает, хотя каждое движение рядом с ним отзывалось раздражающим теплом под кожей.

— Ты всегда такая? — спросил он, когда она промывала зелень.

— Какая?

— Словно каждое слово — нож.

— Только с теми, кто задаёт вопросы, на которые не готов услышать ответ.

— Значит, мы похожи.

— Не льстите себе.

Он усмехнулся. Эва потянулась за солью, но Марк успел подать банку. Их пальцы соприкоснулись. Она отдёрнула руку первой.

— Не надо.

— Я ничего не сделал.

— Именно. Давайте так и продолжим.

Улыбка исчезла с его лица. Он кивнул, принимая границу без спора.

За ужином они говорили о картине. Эва рассказала, что портрет был написан на холсте с необычной основой: в волокнах чувствовались примеси льна и хлопка, а грунт имел состав, характерный для мастерских, работавших в конце девяностых. Марк спросил, сможет ли она определить, кто писал картину.

— Если найду подпись под лаком. Но для этого понадобится лаборатория.

— Она будет.

— Я не просила покупать мне лабораторию.

— Я могу предоставить доступ к оборудованию.

— Вот так лучше.

Он ел медленно, почти не замечая еды.

— Ты сказала, что мать умерла, когда тебе было одиннадцать.

Эва положила вилку.

— Я не говорила этого.

— В твоём личном деле указано.

— Вы читали моё личное дело?

— Да.

— И после этого удивляетесь, что я не доверяю вам?

— Я хотел знать, с кем имею дело.

— Тогда узнайте: я не досье. И не объект, который можно изучить, чтобы понять, где надавить.

Марк отвёл взгляд.

— Это была привычка.

— От которой стоило бы избавиться.

— Возможно.

Она не ожидала такого признания. Оно не отменяло вторжения в её частную жизнь, но делало разговор менее похожим на спор двух стен.

— Моей матери звали Лидия, — сказала Эва после паузы. — Она умерла в аварии. По крайней мере, так мне объяснили. Отец после этого словно закрыл дверь в прошлое. Я почти ничего не знаю о ней.

— Моя мать знала её.

Эва подняла глаза.

— Откуда?

— Они работали с одной коллекцией. До того, как я стал заниматься тем, чем занимаюсь.

— Вы говорите о криминальном бизнесе так, будто это семейная мастерская.

— Я не пытаюсь оправдываться.

— Тогда не надо смягчать слова.

Он медленно положил вилку.

— Я возглавляю организацию, которая зарабатывала на контрабанде, нелегальных поставках и услугах, которые нельзя найти в открытом прайс-листе. Часть этих дел я остановил. Часть — нет. Я не хороший человек, Эва.

Она смотрела на него, чувствуя, как между ними снова вырастает расстояние.

— Это самое честное, что вы мне сказали.

— Я предпочитаю не обещать то, чего не смогу дать.

— А я предпочитаю знать, во что ввязываюсь.

— Теперь знаешь.

— Нет. Теперь я понимаю масштаб того, чего не знаю.

После ужина Эва поднялась в отведённую ей комнату. На столе лежал телефон, рядом — лист с паролем от домашнего Wi-Fi и записка: «Дверь не запирается снаружи. Если тебе спокойнее, заблокируй её изнутри».

Она перечитала записку дважды. Потом подошла к двери и проверила замок.

Он работал.

Это не означало, что Марку можно доверять.

Но впервые за последние сутки Эва почувствовала, что у неё есть выбор.

ГЛАВА 10. ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЁНОМ

Утром Эва проснулась от запаха кофе. На подносе у двери стояла чашка, яблоко и небольшая тарелка с тостами. Никто не вошёл, никто не постучал второй раз. На салфетке было написано: «Без сиропа. Если ошибся — виноват Роман».

Она улыбнулась, хотя не собиралась.

Внизу Марк разговаривал по телефону. Его голос был тихим, но в нём чувствовалось такое напряжение, что даже стены, казалось, старались не скрипеть.

— Я сказал: не трогать семью Черновой. Если кто-то ещё раз произнесёт её имя в качестве аргумента, он будет разговаривать со мной лично.

Пауза.

— Нет. Не через посредника.

Он отключил звонок, когда Эва спустилась.

— Доброе утро.

— Ты слышала?

— Весь дом слышал. У вас акустика идеальная.

— Это был рабочий вопрос.

— Я не спрашивала.

Марк посмотрел на чашку в её руках.

— Кофе подошёл?

— Почти. Слишком горячий.

— В следующий раз остудить?

— В следующий раз не делать вид, что я настолько беспомощна, что не могу подождать минуту.

Он хотел ответить, но в этот момент в комнату вошла женщина. Высокая, безупречно одетая, с серебряной нитью в тёмных волосах и выражением лица, которое не менялось даже при встрече с неожиданностью.

— Значит, это она, — сказала женщина.

Марк встал.

— Мама.

Эва поняла, кто перед ней. Вера Арсеньева.

— Эва Чернова, — произнесла Вера, словно проверяла имя на вкус. — У тебя глаза матери.

— Вы знали Лидию?

— Лучше, чем следовало.

Марк шагнул между ними.

— Мы поговорим позже.

— Нет, Марк. Позже уже слишком поздно.

Вера сняла перчатки и положила их на стол.

— Твой отец, Илья, оставил тебе не только картину. Он оставил обещание, которое я дала ему много лет назад.

— Какое? — спросила Эва.

Вера посмотрела на сына.

— Что если однажды к тебе придёт кто-то из Арсеньевых с вопросом о Лидии, я скажу правду.

Марк побледнел.

— Ты говорила, что не знала, что случилось с Лидией.

— Я говорила, что не знала, кто именно её убил.

В комнате стало тихо.

Эва поставила чашку на стол. Ей показалось, что пол под ногами стал ненадёжным.

— Вы хотите сказать, что моя мать не погибла в аварии?

Вера не отвела глаз.

— Я хочу сказать, что авария не была случайностью.

Эва медленно вдохнула.

— Кто это сделал?

— Мужчина, который сейчас пытается получить картину.

— Зорин?

— Да.

Марк смотрел на мать так, будто впервые увидел её лицо.

— Ты знала и молчала?

— Я знала, что она погибла из-за сделки, в которой участвовал твой отец. Илья попросил меня не говорить тебе, пока не сможет доказать всё документально.

— Почему?

— Потому что ты тогда был мальчишкой, который считал, что справедливость можно выстрелить из пистолета.

Марк отвернулся.

— Я и сейчас не вижу другого способа.

— Вот поэтому я и молчала.

Эва облокотилась на спинку стула. Она не плакала. Внутри всё было слишком холодным для слёз.

— Что случилось с Лидией?

Вера закрыла глаза на мгновение.

— Она нашла документы, которые доказывали, что Зорин продавал коллекционные предметы через цепочку благотворительных фондов, а вместе с ними перевозил людей, которых никто не должен был искать. Лидия хотела передать всё журналисту. Твой отец пытался её остановить, но не потому, что хотел спасти Зорина. Он боялся, что её убьют. И всё равно не успел.

— А вы?

— Я помогла ей спрятать часть документов.

— И потом позволили мне жить с ложью.

Вера не стала оправдываться.

— Да.

Эва посмотрела на Марка.

— Ты знал?

— Нет.

— Правда?

— Клянусь.

Она заметила, как болезненно прозвучало это слово. И всё же не могла принять его на веру.

— Тогда нам нужно выяснить всё. До последней даты, подписи и фамилии.

Вера кивнула.

— Я покажу тебе место, где Лидия оставила последнюю запись.

Марк резко повернулся.

— Ты знаешь, где она?

— Я знаю, где искать.

Он сжал челюсть.

— Почему не сказала раньше?

— Потому что ты не задавал правильных вопросов.

ГЛАВА 11. СЕМЕЙНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Вера привезла их в старую квартиру на Петроградской стороне. Дом стоял во дворе-колодце, где даже днём пахло влажным кирпичом и листьями. Эва не была здесь раньше, но узнала запах. Так пахли шкафы в доме, где она провела детство, пока отец не продал его после смерти матери.

— Лидия снимала здесь мастерскую, — сказала Вера. — У неё был ключ от запасного входа. Я сохранила его.

— Почему? — спросил Марк.

— Потому что некоторые двери нельзя закрывать, пока не поймёшь, что осталось за ними.

Квартира оказалась почти пустой. На стенах сохранились прямоугольники от рам, на полу — следы от тяжёлых столов. В углу стоял мольберт, накрытый простынёй.

Эва подошла к нему первой. На холсте была незаконченная картина: женщина в зелёном платье, повернувшая голову к окну. То же лицо, что на портрете из хранилища, но теперь Эва видела сходство отчётливо.

— Это мама, — прошептала она.

Вера кивнула.

— Она писала этот портрет для меня. Не успела закончить.

— Почему вы держали его здесь?

— Потому что не могла смотреть на него дома.

Марк стоял у двери, не двигаясь. Эва обернулась к нему.

— Ты знал, что наши матери были близки?

— Нет.

— Тебе никогда не казалось странным, что твоя мать ничего не рассказывала о той части жизни, где был отец?

— В нашем доме не задавали вопросы о прошлом. Особенно если оно могло кого-то ранить.

— Удобное правило.

— Для выживания — да.

Вера сняла простыню с мольберта и отодвинула деревянную планку. Внутри обнаружилась узкая ниша. Там лежал блокнот в кожаной обложке, несколько фотографий и конверт.

На конверте было написано: «Эве. Когда сможет услышать».

Эва провела пальцем по почерку. Он был знакомым и одновременно чужим. На семейных открытках мать всегда писала чуть наклонно, словно торопилась, но боялась не успеть.

— Она знала, что её могут убить? — спросила Эва.

— Подозревала, — ответила Вера. — Илья просил её уехать. Она отказалась, потому что считала, что если исчезнет, Зорин продолжит делать то же самое.

Эва открыла конверт. Внутри было четыре листа. Она начала читать, но уже на первой строке почувствовала, как дрожат пальцы.

«Моя маленькая Эва. Если ты когда-нибудь найдёшь это письмо, значит, взрослые снова не справились со своей работой и оставили тебе то, что должны были решить сами».

Дальше мать писала о том, что любовь не делает человека слабым, но иногда заставляет его слишком долго ждать, пока другой изменится. О том, что она гордится дочерью, даже если та не станет похожей на неё. И о том, что не нужно путать молчание с защитой.

Эва дочитала до конца и прижала лист к груди.

Марк стоял неподвижно. Он не подошёл, не попытался утешить. Только спросил:

— Хочешь побыть одна?

Она кивнула.

Он вышел вместе с Верой, оставив дверь приоткрытой.

Эва села на пол рядом с мольбертом. Она не помнила голос матери достаточно ясно, чтобы воспроизвести его. Помнила руки, запах крема, мелодию, которую та напевала, когда расчёсывала ей волосы. И внезапно поняла, что всё это время скучала не только по человеку, которого потеряла, но и по возможности узнать его заново.

Когда Марк вернулся, она всё ещё сидела на полу.

— Я не знаю, что с этим делать, — сказала она.

— Не надо решать сейчас.

— Я злюсь на отца. На Веру. На тебя, хотя ты пока ни в чём не виноват. На себя за то, что до сих пор хочу, чтобы кто-то сказал, что всё будет хорошо.

Марк сел напротив, оставив между ними расстояние.

— Я не скажу.

— Почему?

— Потому что не знаю. Но могу остаться, пока ты не перестанешь ждать от меня невозможного.

Она посмотрела на него сквозь слёзы.

— Это самое близкое к обещанию, что я от тебя слышала.

— Я не умею обещать красиво.

— Тогда не надо. Просто не исчезай без объяснений.

Он кивнул.

— Постараюсь.

Она протянула ему письмо. Он не взял его, пока не встретился с ней взглядом.

— Можно?

Эва передала листы.

Он прочёл первую страницу, и лицо его постепенно менялось. На последней строке он задержался дольше.

— Что? — спросила она.

— Лидия написала здесь моё имя.

Эва взяла письмо обратно. Внизу, почти под сгибом, было добавлено: «Если Эва встретит Марка Арсеньева, пусть он сначала расскажет ей о ночи, когда умер его отец. Не позволяй ему выбирать, какие части правды тебе можно знать».

Марк закрыл глаза.

— Похоже, твоя мать знала меня лучше, чем я думал.

— Тогда рассказывай.

Он долго молчал.

— В ту ночь я был в доме. Мне было двадцать четыре. Отец приказал мне отвезти документы на склад и не возвращаться до утра. Я вернулся раньше. Услышал спор. Зорин говорил, что сделка должна состояться, отец отказывался. Потом раздался выстрел.

— Ты видел, кто стрелял?

— Нет. Когда я вошёл, отец уже лежал на полу. Зорин был рядом. Он сказал, что нашёл его таким.

— И ты поверил?

— Я хотел поверить. Потому что если бы признал, что он убил моего отца, пришлось бы начать войну, к которой я не был готов.

— А если он не убивал?

— Тогда мне придётся признать, что я построил свою власть на чужой лжи.

Эва смотрела на него и понимала: он впервые рассказал ей не о делах, а о том, что до сих пор не может простить себе.

— Ты был молодым, — сказала она.

— Я был взрослым, когда решил ничего не проверять.

Она не стала спорить. Просто положила ладонь рядом с его рукой — не касаясь, но оставляя возможность.

Марк смотрел на это движение так, будто ему предложили вещь, которую он не заслужил.

ГЛАВА 12. КОМНАТА С ДВУМЯ ВЫХОДАМИ

Ника приехала вечером. Роман встретил её у ворот и провёл в дом. Она шла быстро, с таким выражением лица, будто собиралась выяснить, кто здесь главный, и уже решила, что ответ её не устроит.

— Эва!

Они обнялись крепко и долго. Ника пахла дождём и мятной жвачкой.

— Ты похудела, — сказала она, отстранившись.

— Ты тоже.

— Не переводи тему. Я не для того ехала через весь город, чтобы ты делала вид, что всё нормально.

— Я не делаю вид.

— Отлично. Тогда рассказывай, почему твоя жизнь превратилась в криминальный сериал, а я узнаю об этом последней.

Эва улыбнулась, но тут же посерьёзнела.

— Я не хотела втягивать тебя.

— А я не хотела быть человеком, которому звонят только когда уже всё случилось. Но у нас обеих, видимо, проблемы с желаниями.

— Прости.

Ника села напротив неё.

— Я не хочу, чтобы ты извинялась за то, что тебя преследуют. Я хочу, чтобы ты перестала решать за меня, выдержу я правду или нет.

Эва кивнула. Она вспомнила точно такие же слова, сказанные ею самой Марку, и почувствовала неловкую правоту.

— Хорошо. Я расскажу всё.

Они проговорили почти час. Ника слушала, не перебивая, только иногда задавала уточняющие вопросы. Когда Эва дошла до письма матери и смерти Лидии, подруга тихо выругалась.

— Я знала, что твой отец что-то скрывал. Но не думала, что настолько.

— Я тоже.

— Что теперь?

— Найти архив. Разобраться, кто убил маму и отца. И понять, почему Марк решил помогать мне.

— Ты ему нравишься.

Эва чуть не поперхнулась водой.

— Ника.

— Что? Я не сказала, что он влюблён. Я сказала, что ты ему нравишься. Это видно даже с лестницы. Он смотрит на тебя так, будто впервые не знает, что делать с собственными руками.

— Ты всё выдумываешь.

— Конечно. А ещё он три раза за этот разговор проходил мимо комнаты, хотя ему явно не нужно было ничего брать.

Эва не удержалась от улыбки.

— Он просто следит за безопасностью.

— Да. И я просто интересуюсь архитектурой, когда разглядываю Романа.

— Ника!

— Что? У него хорошие плечи. Я имею право замечать.

Они рассмеялись, и на короткое мгновение дом перестал казаться чужим.

Позже, когда Ника ушла наверх, Эва вышла на террасу. Марк стоял у перил и разговаривал по телефону. Увидев её, он завершил звонок.

— Ты можешь говорить, — сказала она.

— Это было неважно.

— В твоём мире редко бывает что-то неважное.

— Ты права.

Он снял с плеч пиджак и положил на спинку кресла. Эва заметила, что движение всё ещё причиняет ему боль.

— Настя сказала не поднимать руку выше плеча.

— Настя много чего говорит.

— И ты ничего не слушаешь.

— Я слушаю. Иногда даже делаю вид, что согласен.

Эва подошла к перилам. Между ними оставалось около полуметра.

— Я хочу спросить о Зорине.

— Спрашивай.

— Почему он не убил моего отца сразу? Почему позволил ему спрятать документы? Почему ждал пять лет, прежде чем выйти на меня?

Марк задумался.

— Илья был полезен. Он умел скрывать деньги, менять маршруты, находить людей, которые не задают вопросов. Зорин не хотел его терять, пока тот был нужен. Когда Илья понял, что его дочь стала частью разговора, он попытался выйти из игры. Возможно, Зорин рассчитывал, что после его исчезновения всё закончится. Но список остался.

— А картина?

— В ней часть ключа. Остальное находится в архиве.

— Ты знаешь, где он?

— Нет. Но теперь мы знаем, где искать первую часть.

Эва посмотрела на тёмные деревья за садом.

— Ты говоришь «мы» так, будто это само собой разумеется.

— Я могу сказать «ты и я», если так понятнее.

— Не становится понятнее.

Он повернулся к ней.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что мне небезразлично, что с тобой случится?

Она не ответила сразу.

— Нет. Я хочу, чтобы ты не использовал это против меня.

Марк выдержал паузу.

— Я не хочу быть ещё одним человеком, который распоряжается твоей жизнью.

— Тогда перестань решать, что мне можно знать.

— Постараюсь.

Эва посмотрела на него. В его лице было много того, от чего ей следовало держаться подальше: власть, привычка к насилию, способность отдавать приказы без колебаний. Но рядом с этим существовала странная, почти неуместная осторожность, когда дело касалось её.

— Завтра мы едем в архив, — сказала она.

— Да.

— И я хочу быть за рулём.

— Нет.

Она подняла бровь.

— Вот тебе и старания.

Марк тихо рассмеялся.

— Ладно. Но я буду рядом.

— Это уже компромисс.
— Не привыкай.

ГЛАВА 13. ЧУЖАЯ КРОВЬ, СВОЯ ВИНА

Роман заметил слежку ещё у ворот. Чёрный седан держался на расстоянии, не приближаясь и не отставая. Когда внедорожник свернул на старую трассу, седан свернул следом.

— Нас ведут, — сказал он.

Марк посмотрел в зеркало.

— Сколько?

— Пока один.

— Не теряй.

Эва сидела на заднем сиденье с папкой на коленях. Она перевела взгляд с Романа на Марка.

— Вы собираетесь устроить перестрелку?

— Нет.

— Это был слишком быстрый ответ.

— Мы постараемся не устраивать.

— Обнадёживает.

Роман повернул на боковую улицу, потом ещё раз. Седан повторил оба манёвра.

— Упорные, — заметила Эва.

— Или глупые, — ответил Марк.

— Часто это одно и то же.

Марк посмотрел на неё, но не улыбнулся.

— Когда я скажу, ты ляжешь на пол.

— А если не скажешь?

— Тогда останешься сидеть.

— Ты понимаешь, что это не план?

— Это инструкция.

— Я не твой сотрудник.

Он повернулся к ней. В его взгляде мелькнуло раздражение, но он сдержал голос.

— Я знаю. И именно поэтому мне страшнее.

Эва замолчала. Слова прозвучали слишком честно для обычной команды.

Роман резко свернул на территорию старого автосервиса. Ворота за ними закрылись. Седан остановился снаружи.

— Не выходить, — сказал Марк.

Он проверил оружие и направился к боковой двери. Роман остался возле машины.

— Он один? — спросила Эва.

— Не знаю.

— Ты всегда так спокойно говоришь «не знаю»?

— Когда знаю, что паника ничего не меняет.

Она посмотрела на него. Роман был не похож на Марка: в нём не было тяжёлой тишины, но была та же внимательность, выработанная годами опасности.

— Ты давно с ним?

— Девять лет.

— И не устал?

— От работы — иногда. От него — регулярно.

Эва улыбнулась.

— Почему остаёшься?

Роман посмотрел на дверь, за которой исчез Марк.

— Потому что однажды он остался со мной, когда проще было уйти.

Снаружи хлопнула дверь машины. Вслед за этим раздались два выстрела. Роман мгновенно открыл заднюю дверь и прикрыл Эву собой.

— Вниз!

Она скользнула на пол. Стекло заднего окна осыпалось внутрь. Роман выстрелил в ответ, затем выругался, прижав ладонь к боку.

— Роман?

— Цела?

— Да. Ты ранен.

— Пустяки.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

Марк вернулся через несколько секунд. На его лице было выражение, которое Эва уже научилась узнавать: он удерживал злость на коротком поводке.

— Роман!

— Живой.

— Настя?

— Уже вызвана.

— Кто был снаружи?

— Двое. Один ушёл через двор.

Марк посмотрел на Эву.

— Ты цела?

— Да.

— Посмотри на меня.

Она подняла голову.

— Я цела. А ты?

Он не ответил, только провёл ладонью по её щеке, будто проверял, нет ли пореза. Прикосновение было коротким, почти невесомым. Но Эва не отстранилась.

Роман застонал.

— Простите, что прерываю романтическую сцену, но мне бы хотелось попасть к врачу до того, как я начну истекать кровью на сиденье.

Марк убрал руку.

— Не драматизируй.

— Я учусь у лучших.

На этот раз улыбка Эвы исчезла не от страха, а от понимания: они уже втянуты слишком глубоко, и каждый следующий шаг будет опаснее предыдущего.

В клинике Настя объявила, что рана Романа неглубокая, но шить придётся. Эва осталась в коридоре. Марк стоял рядом, глядя на свои руки.

— Это из-за меня, — сказала она.

— Нет.

— Они ехали за нами.

— Они ехали за мной. Ты просто стала удобным способом добраться.

— Это не делает меня менее виноватой.

Он повернулся.

— Ты не виновата в том, что люди решили стрелять.

— А ты не виноват в том, что родился в этой семье?

— Нет. Но я виноват в том, что выбрал её продолжение.

Эва не ожидала, что он скажет это так просто.

— Ты мог уйти?

— Мог.

— Почему не ушёл?

— Потому что думал, что если я не возьму власть, её возьмёт кто-то хуже.

— И теперь?

Марк опустил глаза.

— Теперь я не уверен, что это было правдой. Возможно, я просто не умел быть никем другим.

Эва хотела коснуться его руки, но остановилась.

— Это можно изменить.

— Не за один день.

— Я и не обещала, что будет легко.

Он посмотрел на неё так, словно услышал не утешение, а вызов.

— Не обещай мне будущего, Эва.

— Я ничего не обещала. Я сказала, что изменить можно.

ГЛАВА 14. КОМНАТА НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ

Архив находился в подвале бывшей типографии. Вход закрывали две металлические двери, а внутри сохранились стеллажи, шкафы и коробки с надписями, сделанными рукой Ильи Чернова. Эва провела пальцами по пыльной этикетке и вдруг почувствовала запах детства: старой бумаги, клея и отцовского табака.

— Ты здесь бывала? — спросил Марк.

— Нет. Но отец иногда приносил домой такие коробки. Я думала, там бухгалтерские документы.

— Возможно, часть и была бухгалтерией.

— Ты знал его дольше, чем говорил.

Марк не стал отрицать.

— Мы познакомились, когда мне было двадцать два. Он помогал моему отцу вести внешние счета. Потом стал работать с ним напрямую.

— То есть мой отец был частью вашей организации.

— Да.

— Ты не сказал этого в первый день.

— Я сказал, что он был знаком с моей семьёй.

— Это называется не вся правда.

— Это называется попыткой не вывалить на тебя всё сразу.

— Не решай за меня, сколько правды я выдержу.

Марк посмотрел на неё, и в его лице появилось что-то похожее на сожаление.

— Хорошо. Илья работал на моего отца. Он занимался финансовыми схемами и логистикой. Он знал, откуда приходят деньги и куда уходят. Когда понял, что Зорин использует нашу сеть для перевозки людей и похищенных произведений искусства, начал собирать доказательства.

— А ты?

— Я тогда ещё не руководил организацией. Но знал, что часть грузов незаконна. Не знал о людях.

— Удобная формулировка.

— Нет. Просто точная.

Эва открыла первую коробку. Внутри лежали каталожные карточки, расписки и фотографии. На нескольких снимках она узнала отца. На одном он стоял рядом с Арсеном Арсеньевым — отцом Марка. Между ними не было дружеской близости, но было взаимное уважение.

— Они доверяли друг другу, — сказала она.

— Пока могли.

— А потом?

— Потом каждый начал понимать, что другой скрывает.

Эва перебрала бумаги. На обороте одной карточки нашла две буквы: «Л.В.» и дату — за три месяца до смерти матери.

— Это её почерк.

Она поднесла карточку к свету.

— Здесь что-то выцарапано.

Марк достал фонарь. Под косым светом проступили слова: «Северная галерея. Номер 17. Не открывать до сигнала».

— Это адрес? — спросил он.

— Скорее всего, название помещения. Но номер совпадает с ключом.

— В городе есть старая галерея с таким названием. Её закрыли после пожара.

— Когда?

— В ту же ночь, когда умер мой отец.

Эва замерла.

— Значит, документы могли быть там.

— Или там их уничтожили.

— Тогда почему Зорин так хочет добраться до ключа?

Марк посмотрел на карточку.

— Потому что знает: уничтожены не все.

Они нашли ещё несколько карточек, но среди них не было прямого указателя. Только повторяющийся знак — маленький квадрат с точкой в углу.

Эва разложила документы на полу.

— Это не шифр в привычном смысле. Похоже на систему каталогизации. Мама использовала её для работ, которые проходили через реставрационную мастерскую.

— Ты можешь восстановить последовательность?

— Могу попробовать. Но мне понадобится время и доступ к материалам.

— Сколько?

— Не знаю. И если ты снова скажешь, что организуешь всё к вечеру, я начну сомневаться в твоём интеллекте.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, от которых зависит твоя безопасность?

— Нет. Только с теми, кто думает, что безопасность можно купить.

Он присел рядом. Их плечи почти соприкоснулись.

— Я не думаю, что её можно купить.

— Тогда что ты пытаешься купить?

Марк долго смотрел на бумаги.

— Время.

Она не стала отвечать. Потому что понимала: времени у них действительно оставалось немного.

В конце коробки обнаружилась фотография. На ней были Лидия, Вера, Илья и Арсен. Все четверо стояли у входа в Северную галерею. На обороте рукой Лидии было написано: «Мы думали, что спасаем одну семью. На самом деле спасали только тех, кто ещё не успел стать чудовищем».

Эва почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Они знали, что произойдёт.

— Не всё, — сказал Марк.

— Но достаточно.

Он взял фотографию и перевернул её лицом к себе.

— Мой отец стоял здесь за три месяца до смерти. И если он был частью того, что случилось с твоей матерью, я хочу знать.

— Даже если это разрушит всё, что ты о нём помнишь?

— Особенно тогда.

Эва впервые увидела в нём не главу синдиката и не человека с оружием. Она увидела сына, который всё ещё надеялся, что отец был лучше, чем его поступки.

Ей захотелось сказать, что правда не обязана уничтожать любовь. Но она сама пока не знала, верит ли в это.

ГЛАВА 15. ЧТО ВЕРА НЕ СКАЗАЛА

Вера ждала их в зимнем саду. Перед ней стоял нетронутый чай, а на столике лежала фотография, которую Эва нашла в архиве. Женщина не подняла головы, когда они вошли.

— Я думала, ты не захочешь возвращаться, — сказала она Марку.

— Я тоже так думал.

— Значит, что-то изменилось.

— Я узнал, что ты знала о Лидии больше, чем говорила.

Вера подняла взгляд на Эву.

— И теперь ты хочешь услышать всё.

— Да, — ответила Эва. — Не то, что вы считаете полезным. Всё.

Вера долго смотрела на неё, словно пыталась решить, имеет ли право эта девушка требовать от неё правды. Потом кивнула.

— Лидия работала не только с картинами. Она восстанавливала документы, письма, старые книги. В какой-то момент к ней попала коллекция, которую Арсен приобрёл через Зорина. Часть произведений оказалась украдена во время войны, часть — вывезена из частных собраний без согласия владельцев. Но дело было не только в искусстве. Внутри ящиков перевозили другие вещи: паспорта, деньги, иногда людей.

— Как можно не заметить, что в ящике человек? — спросила Эва.

— Сначала никто не хотел замечать. Потом все говорили, что это не их зона ответственности. Я тоже так говорила.

Марк стоял у камина. Его лицо оставалось неподвижным, но пальцы сжимали край кресла.

— Арсен знал? — спросил он.

— Он узнал позже. Когда Лидия показала ему документы, он решил остановить перевозки. Зорин расценил это как предательство.

— И убил его.

— Я не видела выстрела. Но была рядом, когда Зорин вышел из кабинета. На его манжете была кровь. А твой отец уже не дышал.

Марк отвернулся к окну.

Эва смотрела на Веру, пытаясь понять, что чувствует сильнее — жалость или злость.

— Почему вы не рассказали полиции?

— Мы боялись, что полиция работает на него.

— А сейчас?

— Сейчас я понимаю, что страх стал для нас удобным оправданием. Мы могли попытаться. Не сделали.

— Вы позволили мне вырасти с мыслью, что мама погибла в случайной аварии.

Вера не отвела глаз.

— Да.

— Вы были её подругой.

— Да.

— И вы смотрели, как я прихожу к вам на семейные праздники, спрашиваю, почему мама не любила фотографироваться, почему у неё нет могилы в семейном склепе, почему отец меняет тему. Вы знали, что я живу в выдуманной истории.

Вера поставила чашку. Её пальцы дрожали.

— Я знаю, что не имею права просить прощения.

— Тогда не просите.

Эва встала и вышла из комнаты. Марк двинулся следом, но Вера остановила его.

— Не беги за ней только потому, что не знаешь, куда деть свою вину.

Он замер.

— Это моя вина тоже.

— Да. Но не вся.

Марк резко посмотрел на мать.

— Ты всё ещё защищаешь его.

— Нет. Я пытаюсь не дать тебе превратиться в него.

Он вышел, не ответив.

Эва стояла у лестницы, обхватив себя руками. Она услышала шаги, но не обернулась.

— Я не собираюсь тебя утешать, — сказал Марк.

— Хорошо. Я не просила.

— Но и оставлять одну не хочу.

Она медленно повернулась.

— Ты понимаешь, что я могу ненавидеть всех вас? И тебя тоже?

— Понимаю.

— Даже если ты ничего не знал?

— Особенно если не знал. Я слишком долго жил в доме, где никто ничего не спрашивал.

Эва смотрела на него, пока злость не стала похожа на усталость.

— Мне нужно уехать.

— Куда?

— В мастерскую. К себе. Туда, где можно думать без ваших охранников за дверью.

Марк не стал спорить.

— Я отвезу тебя.

— Нет. Я поеду с Романом. А ты останешься здесь и поговоришь с матерью. Кажется, вам обоим давно пора.

Он хотел возразить, но остановился. Кивнул.

— Хорошо.

— И не звони мне каждые десять минут.

— Постараюсь выдержать.

— Это не шутка.

— Я знаю.

Когда машина отъезжала от ворот, Эва увидела Марка в окне зимнего сада. Он не смотрел вслед. Он стоял перед матерью, и впервые ей показалось, что этому человеку страшно не потерять власть, а узнать, сколько лет он жил внутри чужой лжи.

ГЛАВА 16. ГОРОД СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЕТ

В мастерской пахло растворителем и пылью. Эва включила верхний свет, открыла окно и долго стояла посреди комнаты, пытаясь вернуть себе ощущение прежней жизни. На столе остались её инструменты, на подоконнике — забытая кружка, на стене — календарь с перечёркнутыми датами. Всё было на месте, но казалось декорацией, которую собрали для человека, исчезнувшего несколько дней назад.

Ника молча поставила перед ней чай.

— Я не буду говорить «я же предупреждала», — сказала она.

— Спасибо.

— Потому что я не предупреждала. Я сама влезла в это с головой. И, если честно, мне теперь страшно.

Эва села.

— Мне тоже.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Это не ответ.

Эва устало улыбнулась.

— Нет. Не хочу, чтобы ты уезжала. Но если решишь — я не стану удерживать.

Ника отпила чай.

— Наконец-то ты научилась не принимать решения за других. Видимо, мафия полезна для личностного роста.

— Не думаю, что это стоит рекомендовать психологам.

Они рассмеялись. Смех быстро стих, когда на экране ноутбука появилось уведомление о новом письме. Отправитель неизвестен, вложение — фотография двери старого особняка. На двери мелом был нарисован квадрат с точкой.

Подпись: «Вы нашли не тот архив».

Эва показала сообщение Нике.

— Зорин знает, что мы нашли, — сказала та.

— Или хочет, чтобы мы думали, что знает.

— И что теперь?

— Проверим, откуда отправлено письмо.

Ника села рядом. Она работала с цифровыми архивами и иногда помогала Эве оцифровывать документы. Через десять минут стало ясно: письмо прошло через несколько серверов, но фотография была сделана не сегодня. На заднем плане виднелась афиша выставки, закрытой три месяца назад.

— Значит, это старый снимок, — сказала Ника.

— Или место больше не существует.

— Ты умеешь находить хорошее даже в плохих новостях.

— Профессиональная деформация. Любой дефект — это информация.

Они начали изучать фотографию. На металлической табличке возле двери читалась часть надписи: «Сев… гал…». Северная галерея.

Эва позвонила Марку. Он ответил сразу, но не стал говорить первым.

— Я получила письмо.

— Какое?

— Фотография двери галереи. И фраза, что мы нашли не тот архив.

— Не открывай вложения на основном компьютере.

— Уже поздно. Ника проверила его.

— Отправь мне копию.

Она отправила.

— Ты говорил, что архив может быть в галерее. Теперь кто-то намекает, что мы ошиблись.

— Или проверяет, как быстро мы побежим за следующим указателем.

— Ты думаешь, это ловушка?

— Думаю, что всё, что слишком удобно появляется в этой истории, нужно считать ловушкой.

— Тогда почему ты сам собираешься туда?

На другом конце повисла пауза.

— Потому что я уже однажды позволил Зорину решать, куда мне идти.

— Марк, не надо превращать каждый риск в личную месть.

— Я не превращаю.

— Ты именно это и делаешь. Ты слышишь его имя и перестаёшь думать о последствиях.

Он тяжело выдохнул.

— Возможно.

— Я хочу, чтобы ты услышал меня: я не собираюсь быть приманкой. И если мы туда поедем, то только с планом, из которого можно выйти живыми.

— Хорошо.

— И не говори это просто потому, что хочешь закончить разговор.

— Я говорю это, потому что ты права.

Эва замолчала. Ей было непривычно слышать от него такие слова.

— Где ты? — спросила она.

— У матери.

— Поговорили?

— Нет. Я слушал. Это оказалось хуже.

— Иногда это полезно.

— Ты говоришь как человек, который никогда не ошибается.

— Я ошибаюсь постоянно. Просто не всегда делаю это с таким размахом.

Марк тихо рассмеялся.

— Я пришлю машину к мастерской.

— Нет. Ника сама отвезёт меня.

— Эва…

— Мы договорились: не распоряжаться моей жизнью. Держи слово.

Он помолчал.

— Хорошо. Напиши, когда доедете.

— Напишу.

Она отключилась и посмотрела на Нику.

— Что?

— Ничего. Просто ты сейчас говорила с ним так, словно он твой парень.

— Он не мой парень.

— Пока.

— Ника.

— Всё, молчу. Но у тебя появилось выражение лица.

— Какое?

— Как у человека, который впервые за долгое время ждёт звонка.

Эва не ответила. И это было ответом.

ГЛАВА 17. СЕВЕРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Северная галерея стояла на тихой улице за старым театром. Когда-то здесь выставляли частные коллекции, потом помещение закрыли после пожара, а спустя годы его выкупила компания, связанная с портом. В документах здание числилось под реконструкцию, но окна были заколочены, а входная дверь выглядела так, будто её не открывали много лет.

Марк приехал отдельно. Рядом с ним сидел Роман, ещё бледный после ранения, но уже упрямо вернувшийся к работе.

— Тебе бы лежать, — сказал Марк.

— Мне бы ещё много чего. Например, отпуск, нормальный сон и начальника без мании величия.

— Я могу дать тебе отпуск.

— Не надо. Я не доверяю твоей способности отдыхать за двоих.

Эва ждала у бокового входа с фонарём и сумкой инструментов. На ней была тёмная куртка, волосы собраны в низкий хвост. Увидев Марка, она кивнула, но не улыбнулась.

— Ты пришёл.

— Я обещал.

— Это редкость?

— Для меня — да.

— Тогда запишем как положительный результат.

Роман открыл дверь. Внутри пахло сыростью, гарью и старым деревом. Следы пожара сохранились на потолке, но часть помещений была недавно очищена. Эва заметила свежие отпечатки на пыли.

— Здесь были люди.

Марк присел, посмотрел на след.

— Недавно.

— Зорин?

— Возможно.

Они прошли в главный зал. На стенах остались крепления для рам, а под потолком висели обгоревшие светильники. Эва направила фонарь на пол: в одном месте паркет был заменён, а доски отличались по цвету.

— Помогите поднять эту секцию.

Роман достал инструменты из машины. Под досками обнаружился металлический люк, закрытый старым замком.

— Семнадцать, — прошептала Эва, увидев номер на корпусе.

Ключ из рамы подошёл не сразу. Марк придерживал крышку, пока Эва осторожно проворачивала механизм. Раздался сухой щелчок.

Внутри находилась небольшая камера хранения. Не сейф — скорее ниша, в которой помещались три плоские коробки и металлическая пластина с тем же символом, квадратом с точкой.

Эва достала первую коробку. В ней лежали старые фотографии, несколько писем и катушка с тонкой плёнкой.

— Это негатив? — спросил Марк.

— Похоже. Но нужно проверить.

Во второй коробке были документы на разные фамилии. Третья оказалась пустой, если не считать конверта с надписью «Арсену».

Марк замер.

— Это почерк Ильи, — сказал он.

Эва протянула конверт. Внутри было письмо, датированное за неделю до смерти Арсена.

«Арсен. Ты можешь сколько угодно говорить, что контролируешь Зорина, но он давно перестал быть твоим человеком. Он не хочет доли. Он хочет, чтобы ты исчез. Я видел список перевозок. Там есть имена тех, кто не должен был оказаться в наших отчётах. Лидия просит тебя остановиться. Если ты не остановишься, она передаст всё сама. Я не смогу удержать её».

Марк перечитал письмо дважды.

— Мой отец знал.

— Он знал о перевозках? — спросила Эва.

— Илья пишет, что список видел. Но не говорит, что именно сделал Арсен.

— Может, ответ в других документах.

Роман поднял голову.

— Мы не одни.

Сначала Эва услышала только шорох. Потом — хлопок двери в дальнем коридоре.

Марк быстро убрал письмо в карман.

— Пакет с документами бери. Остальное оставь.

— Там письма моей матери.

— Эва, сейчас не время.

— Я не оставлю их здесь.

Он посмотрел на неё. В его глазах мелькнула злость, но она была направлена не на неё, а на обстоятельства, которые снова заставляли его выбирать.

— Тогда быстро.

Роман вышел к коридору. Через несколько секунд раздался выстрел, потом ещё один.

— Вниз! — крикнул Марк.

Он толкнул Эву за бетонную колонну и сам остался у прохода. Двое вооружённых людей появились в дверях. Марк выстрелил один раз, заставив первого отступить. Второй бросился к люку.

Эва схватила тяжёлый деревянный брусок и ударила его по руке. Оружие упало. Мужчина повернулся к ней, но Марк оказался рядом и повалил его на пол.

— Я просил не геройствовать! — выдохнул он.

— Я не геройствовала. Я сохраняла документы.

— Это одно и то же.

— Нет. Геройство не предусматривает папку.

Они выбрались через боковой выход. Роман держал руку у ребра, но двигался самостоятельно. Когда они добрались до машин, Эва поняла, что всё ещё сжимает конверт так крепко, что бумага смялась.

— Ты могла погибнуть, — сказал Марк.

— Ты тоже.

— Я привык.

— А я не хочу, чтобы ты привыкал к тому, что люди могут погибнуть рядом с тобой.

Он посмотрел на неё так, словно не понял, что именно услышал.

— Ты беспокоишься обо мне?

Эва открыла дверь машины.

— Я беспокоюсь о документах. Ты случайно находился рядом.

Роман, уже садясь за руль, негромко сказал:

— Конечно. Документы очень переживают, когда Марк истекает кровью.

Марк закрыл глаза.

— Кадеев, однажды я тебя уволю.

— Тогда я наконец высплюсь.

ГЛАВА 18. НЕ ВСЁ, ЧТО НАЙДЕНО, ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕБЕ

Плёнку проявляли в лаборатории, которую Вера сохранила от старой мастерской Лидии. Эва настояла на том, чтобы работать лично. Марк хотел поставить рядом специалиста по безопасности, но в итоге согласился оставить только Романа за дверью.

— Ты не обязана делать это сегодня, — сказал он.

— Если я отложу, я начну бояться.

— Ты и так боишься.

Она подняла на него глаза.

— Да. Но это не повод останавливаться.

Он не стал спорить.

Проявленные кадры оказались фотографиями документов, снятых на микроплёнку. Большинство были нечёткими, но Эва смогла разобрать номера партий, даты и инициалы. В нескольких строках повторялась фамилия Зорина. В других — Арсеньева.

— Вот он, — сказала Эва.

Марк наклонился над столом.

— Мой отец?

— Да. Но подписи разные. Здесь он утверждает поставку, а через три недели — отменяет её. Посмотри на даты. Это совпадает с письмом Ильи.

— Значит, отец сначала участвовал, потом попытался остановить.

— Возможно. Но есть ещё кое-что.

Эва увеличила кадр. Внизу стояла фамилия Лидии Черновой. Рядом — сумма и пометка «компенсация после инцидента».

Марк выпрямился.

— Что это значит?

— Не знаю. Но это не похоже на выплату за реставрацию.

— Ты думаешь, ей заплатили за молчание?

— Или за то, что она согласилась что-то сделать.

Он отвернулся.

— Я не хочу верить, что она была частью этого.

— Я тоже. Но мы не можем выбирать только те факты, которые нам нравятся.

— Ты говоришь так, будто научилась этому раньше меня.

— Нет. Я просто устала от людей, которые прячут правду под красивыми словами.

Марк отошёл к окну. Долго смотрел на двор, где шёл мелкий дождь.

— Когда умер отец, мне сказали, что он погиб, защищая семью. Я построил на этой фразе всё, что у меня есть. Я сделал её объяснением, разрешением, оправданием. Если он был не таким, как я думал…

— Тогда ты потерял отца дважды.

Он усмехнулся без радости.

— Ты умеешь утешать.

— Я не утешаю. Я не хочу врать тебе.

Марк повернулся.

— Спасибо.

Эва села за стол и снова посмотрела на кадры.

— Здесь есть номер партии, которого нет в списке. Возможно, отдельный реестр. Он мог быть у Ильи.

— Где искать?

— В мастерской матери. Возможно, в её личных записях.

— Туда нельзя ехать без подготовки.

— Я знаю.

— Эва.

— Не начинай.

Он провёл рукой по лицу.

— Я не хочу тебя ограничивать. Я хочу, чтобы ты вернулась живой.

— Тогда доверь мне выбирать, насколько близко я подхожу к опасности.

— Я пытаюсь.

— Я вижу.

И впервые она сама коснулась его ладони. Это было не обещание и не прощение. Просто знак: она заметила попытку.

Марк посмотрел на их руки, но не сжал её пальцы. Оставил выбор за ней.

Через секунду Эва убрала ладонь.

— Нам нужно проверить номер партии.

— Да.

Они вернулись к плёнке, но напряжение уже изменилось. Между ними появилось нечто более опасное, чем взаимное любопытство: доверие, которое ещё не было достаточно крепким, чтобы выдержать правду.

ГЛАВА 19. ПИСЬМО БЕЗ ИЗВИНЕНИЙ

Вера принесла Эве коробку ближе к полудню. Внутри лежали письма Лидии, перевязанные тонкой зелёной лентой. Некоторые конверты были вскрыты, другие оставались нетронутыми. На нескольких стояли даты, которые совпадали с последними месяцами жизни матери.

— Я не имею права передавать тебе это так, будто делаю одолжение, — сказала Вера. — Но хранить дальше тоже не могу.

— Вы читали их?

— Некоторые.

— Все?

— Нет.

Эва выбрала верхний конверт. Внутри была короткая записка от матери к Вере: просьба не позволять Арсену и Илье превращать страх в повод для молчания. Во втором письме Лидия писала, что нашла в реестре фамилию человека, который должен был быть мёртв. В третьем упоминался «Северный список».

— Что это? — спросила Эва.

Вера опустилась в кресло.

— Так Лидия называла перечень людей, которых Зорин перевозил через порт. Не всех, кого он похитил. Но тех, кто числился как груз. В списке были чиновники, посредники, владельцы складов, врачи, которые подписывали фиктивные справки. Это было не просто доказательство преступления. Это была карта всей системы.

— Значит, если список попадёт к Зорину, он сможет уничтожить свидетелей и запугать остальных.

— Да. Но если попадёт к тем, кто хочет занять его место, они смогут использовать его для собственного контроля.

— Почему вы не передали его журналистам?

— Мы пытались. Первый журналист отказался. Второй исчез. Третьему Лидия не доверяла.

— А полиции?

— Тогда многие были связаны с Зориным. Сейчас положение изменилось, но мы слишком долго боялись проверить это.

Эва открыла ещё одно письмо. На этот раз почерк матери был торопливым.

«Вера, если ты всё-таки решишь сохранить это, помни: ни один список не стоит того, чтобы ребёнок вырос в пустоте. Илья обещает, что Эва никогда не узнает. Он думает, что молчанием можно защитить. Я больше не уверена».

Эва закрыла глаза.

— Она знала, что отец скроет от меня правду.

— Она знала, что он будет пытаться.

— И всё равно оставила письмо.

— Потому что верила, что однажды ты будешь готова.

— А если бы я не нашла картину?

Вера не ответила.

Эва собрала письма обратно в коробку.

— Я не могу вас простить сейчас.

— Я не прошу.

— И не знаю, смогу ли потом.

— Это твоё право.

Вера поднялась. У двери она остановилась.

— Эва, Лидия любила тебя больше всего на свете. И если бы могла выбирать, она бы выбрала не месть, не правду и даже не справедливость. Она бы выбрала твою спокойную жизнь.

— Тогда почему вы все не оставили меня в покое?

Вера долго молчала.

— Потому что мы были трусами. И каждый называл это заботой.

Когда дверь закрылась, Эва долго сидела неподвижно. Потом взяла телефон и написала Марку: «Мне нужно поговорить. Не о документах».

Он ответил почти сразу: «Я рядом».

ГЛАВА 20. НЕ ПРОСИ МЕНЯ БЫТЬ ДОБРОЙ

Марк нашёл её в зимнем саду. Эва сидела на широком подоконнике, поджав ноги, и смотрела на дождь. В комнате было темно, только настольная лампа подсвечивала коробку с письмами.

— Ты звала.

— Да.

Он сел напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.